

БЫТЬ ТРИБУНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВДЫ

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД СОЮЗА ТЕАТРАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ СССР

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.

не дают права отговариваться, что из всего прогрессивного, что происходит в других национальных театрах страны, убежден председатель правления Союза театральных деятелей Казахстана А. М. Мамбетов. Он напомнил, что Максим Горький, занимавшийся становлением советской литературы, считал, что главная задача социалистической культуры — во взаимообщественности, взаимопроникновении между братскими литературами и искусствами. Говорю и одна из основных целей нового Союза. При этом, приступая к редактору, недопустимо превратить его в бюрократический орган, а насторожиться всеми союзами братских культур и заниматься только указаниями, циркулярами, формальными мероприятиями. Администрирование, запреты, волевые решения, отныне будут недопустимы. Создаваемый творческий орган, безусловно, откроет качественно новый этап в развитии многонационального сценического искусства. Следует сохранять полную экономическую автономию, творческую и организационную самостоятельность республиканских союзов, подчеркнул заведующий кафедрой сценического искусства Эстонской консерватории К. И. Комиссаром, избегать бесконечной бюрократической подотчетности.

Создать в Союзе информационный центр, который бы оперативно собирали, обобщали и распространяли театральный опыт всех республик, предложила председатель правления Латвийского театрального общества В. Ф. Артмане. Столетнюю историю имеет, например, такое общество в РСФСР, напомнила она. Ноное объединение даст стимул для нашего совместного развития, которое будет невозможным, если мы сообща не подумаем о человеке в театре, о его благосостоянии и бытии, о его правах, но главное — о творческих обязанностях. Как актерская заповедь прозвучала еще позже: научить молодую смену в театре работать, работать беспощадно, не считаясь со временем, вкладывая в свой труд пушку и сердце, отправляясь горде звание артиста.

Мы благодарны советским мастерам сцены, которые не одно десятилетие смыкались прочными узами дружбы с солдатами Отечества, сказала заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковник Д. А. Волковогоров. Мы бесконечно благодарны, что в дни государственных революционных праздников двери всех театров страны гостепримно распахиваются перед человеческими щипками. У нас стало нормой, когда театры и актерские группы выезжают в Афганистан, в группы войск за рубежом, в самые отдаленные гарнизоны. Родины, Мир на Земле существует благодаря политической воле нашего руководства и нашего народа, благодаря тому, что советские солдаты блестяще воюют, когда нам говорят: «Ты работаешь, ты нужен».

Среди многих проблем, волнующих современного театра, что, что обозначил артист Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина М. А. Долгинин, — проблема молодого актера. Я выступаю здесь как представитель того поколения, которое часто обвиняется в пассивности, сказал он, чтобы уловить интересно-сюрпризантный, трепетный и в то же время доброжелательный подход поэзии творческого коллектива, чтобы решить проблему, накопившуюся за многие годы. Задачи сдвиги и в репертуарной политике — на наших сценах больше теперь пьес местных авторов, литераторов из братских республик. Биноматы стали относиться к пьесам помимо традиций театральных коллективов и нуждам театральных коллективов. Теперь — слово за нами.

Я счастливый человек,

потому что мне везло на друзей из среды пьесных, сценических, творческих работников, признался художественный руководитель Крымского драматического театра А. Г. Новиков. И с этой высокой трибуны хотелось бы отдать должное тем людям, которые постоянно делают с нами наши трудности, вспомнили, работы и естественности, радости. Я не стесняюсь относить себя и членов театрального ранга. И мало верю, что без отданного, четкого, умного управления театра может подняться на должную высоту.

О высоте нашего времени, теменные вероятности того, что потенциальный противник решится на ядерную авантюру. Тема патриотизма с большой буквы должна чаще звучать на сценических подиумах.

Болгарским в счастьем своей жизни назвала работу для юных зрителей основатель и бессменный руководитель Московского детского музыкального театра Н. И. Саг. И хотя детским театрам страны служат многие замечательные мастера, мы это свою же отношение к себе. Мы смотрим спектакли, в которых говорится о неподражании детские театры из-под конт-

роля, и хотя их залы всегда полны, у этих театров еще множество проблем. Прежде всего театров мало. К тому же репертуар подчас свидетельствует о невнимании к детям. А они требуют уважения. Мы говорим, что наши дети не любят классическую музыку. Но как могут ее любить, если не знают? Сейчас в стране детских музыкальных театров — на Украине. Недавно мы создали детскую филармонию при нашем театре. Об этом же мечтают Ленинград, Азербайджан, Армения, Узбекистан. Давайте открывать больше музыкальных театров для детей, давайте проверять то, что происходит в наших тюзах, давайте серьезно воспринимать слово «юношество».

Спектакль начинается с совместной работы режиссера и художника. Это известная истину не случайно называемой собравшимися художниками Большого театра СССР В. Я. Лементом. Каналы головы из Министерства культуры упразднила профессия — художника-исполнителя. Как может существовать театр без такой фигуры? Где представит театр, в котором нет места декорациям, нет места живописи. Сейчас говорят, что она устарела. Хорошая живопись никогда не устареет, но дело идет к тому, что ее просто некому будет писать. Подтверждением служит и факт, что только трижды на съездах театральных художников явился делегатами съезда, при том, что театры в стране более шестьсот.

Наши театры нуждаются в таких пьесах, чтобы рецензируемые были интересны их

актерам, мы относимся к этому спомбино. Мы говорим, что со сценами о необыкновенном внимании к отдельному обыкновенному человеку. А судьба актера-товарища нас перестает волновать. Неспособность человека встать на позицию представителя другой профессии, другого поколения или возраста разрывается единство тела театра. А цель нашего Союза означает крепость, связь, единение.

Единение людей разных профессий, где будет место и нам, критикам, которые должны отражать реальное со-

стояние театра. И продолжает существовать до сих пор два вида театров — стилические и периферийные. Поднимая этот наболевший вопрос, главный режиссер Русского драматического театра Молдавской ССР В. Г. Авостол рассказал о мытарствах, которые приходится претерпевать коллегам, представителям второй, менее престижной, но более многочисленной группы — летом гастролировать только по деревням, в самых плохих автобусах или вовсе без них, играть в самых неприспособленных помещениях, ежевечерне выступать в одном и том же спектакле в течение двух месяцев. И как награда — раз в 10—15 лет получать приглашение на творческий отчет Москвы, где будут судить по всем законам высокого профессионального мастерства. Откуда же оно возьмется?

Союзу надо делать все возможное, чтобы сокращать

этот разрыв в творческих ус- ловиях, сокращая пока еще великую дистанцию между тем положением, в котором находятся столичные театры и коллективы других городов страны, поддержав своего коллегу главного режиссера Центрального академического театра Советской Армии Ю. Е. Еремин. Я сам семь лет работал на периферии и убедился, что там трудится огромная армия талантливых, прекрасных и удивительных подчиненных — своего дела. Им прежде всего нужны за-

щищаться в сознании человеческой приверженности

и престижем, а также помочь им в дальнейшем творческом труде. Им нужны защищаться в сознании человеческой приверженности и престижем, а также помочь им в дальнейшем творческом труде.

Следует сохранять полную

автономию, не склоняться к со- зиждению, не поддаваться

诱惑у, мешающей новому театру.

Гарантами и социальным ме-

ханизмом необратимости — это

прежде всего свободный, ду-

ховно раскрепощенный челове-

как, который ни слова не

скажет против совести, не

побоится признаться ни в ка-

кой трудности, не побоится

ничего болезненного для

личности. И это процесс возобладает.

А перестройка — это из-

менение, на которое надея-

емся, и оно неизбежно

будет. И оно неизбежно

<p

РЕПОРТАЖ

В ДОМЕ НА ГОРЕ РАЗДУМИЙ

...Все члены дружной и красивой семьи Джапаридзе-Табукашвили и похожи, и в то же время глубоко индивидуальны. Дом их расположен на горе Раздумий. Из высоких окон открывается вид на сердце Тбилиси — древнюю чащу города поэтов и художников. Здесь постоянно размышают, пишут и творят.

Моя первая встреча с актрисой Медеей Джапаридзе. Собственно, это была даже не встреча, а западающее в душу ребенка военных лет впечатление. Оно родилось, когда меня впервые в жизни взяли в кино на фильм режиссера В. Табукиани «Кети и Котэ». Мне никогда не забыть ту нечаянную радость от встречи с красотой. Водопадная девушка на экране, широко распахнув лунистые глаза, танцевала и пела, страдала и любила. Школьники моего поколения десяти раз смотрели эту популярнейшую музыкальную комедию, восхищались актрисой, посыпали ей нехитрые стихи. Шел 1948 год.

Сейчас в это трудно поверить, но после блестящего дебюта талантливой актрисы долго не снимали в кино. В годы молодости ее как будто не замечали. А она не умела и не хотела хранить в сердце горечь, отвергнула компромиссы и самозабвенно работала, отдавая все силы духа театру. С самого детства, еще в семье революционера-ленинича, в доме дяди Алеши Джапаридзе, она получила высокие уроки и правдивости и добра, мужества и стойкости.

Встреча в Москве с Надеждой Константиновой Крупской, ученицей Студии Вл. Немировича-Данченко при МХАТе, знакомство с Андриевской, Стасовой, Мордзиной, русской литературой, прошлое и настоящее Грузии — вот ее университеты. Пришла в театр, она никогда не эксплуатировала свою внешность, всегда выдавала даже в эпизодические роли все меру таланта и труда. Она умела не расплывать радости, переполняющие сердце, с сиротой боль за приветливость и ульбкой. Растила сына, пела душой дома, в котором частые гости поэты, драматурги, актеры, художники.

Я видела Медею Джапаридзе в роли Гулки в пьесе П. Карабадзе «Меч Кахабера», где она воплощала прекрасный лицо Родины. Ее голос, мелодичный, негроний, но гибкий и теплый, передавал все оттенки чувств, виноватия, крепчал, звенел металлом, когда героиня призывала к мужчинам. Помню Клеопатру в блестательном дуэте с Ростиславом Пляттом в «Цезаре и Клеопатре». Б. Шоу, где актриса погружалась в роль с увлечением. Была стремительна и неудержима, раскрывала душу Клеопатры в удивительном сочетании коварства и неподобия, трагизма и любви. Молит, гневается, поет.

Ее жгучий интерес к литературе опять же постоянно питается и поддерживается семьей. Муж ее Реза Табукиани — писатель, переводчик, драматург, режиссер. Он перевел на грузинский язык сочинения Шекспира. Сначала работал в драматургии, написал пьесу «Скептарий рабыни», которая идет до сих пор. Затем его потянуло и документальному кино. Бениклико знаменит и литературе, и театре, он ощущает вдруг интерес к документу, к факту, реальной человеческой судьбе.

Лауреат премии имени Ш. Руставели, руководитель книгоиздания писателей Грузии, Резо Табукиани — создатель нового языка и грузинского кинематографа: авторского, документально-художественного кино. «Остров, распятый на кресте» — режиссер по погибшим на далеком голландском острове Тексел, горький рассказ о мужестве и подвиге, свободе, завоеванной ценой гибели 565 воинов-грузин 117 голландских патриотов. Диалогия «Грузини в Италии» открывает страницы жизни замечательного ученого Т. Тамаришвили и национального героя Франции Форе Мосудиншили. «Высокие горы» — изволившее и страстное слово о большом друге и исследователе Грузии Витторио Селла и прославленном альпинисте Михаиле Хертиани. Во всех этих лентах авторы сценария, рассказчиком, режиссером, актёрами участников события выступает сам Резо.

Десять полнометражных фильмов, снятых за десять лет. Документальные ленты Табукиани — это художественное исследование грузинской истории и культуры, киноповести, посвященные герониму и братству различных возрастов и национальностей.

И. МУХРАНЕЛИ,
наш соб. корр.

• Народная артистка Грузинской ССР Медея Джапаридзе.

Фото И. Шаманова (ТАСС).

ТВ: ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

У НАС В ГОСТИХ МАЭСТРО

Музыканты, как известно, разговаривают на языке своего искусства. Редко, когда встречишь среди них человека, способного словами выразить всю глубину своего понимания музыки. Поэтому, наверное, так широко бытует мнение, что «музыка не говорит, ее слушают».

Признается, просмотр телевидения «Встреча по вашему просьбе», в которой выступали «Биртуозы Москвы» и их руководитель Владимир Спиваков, в начале с некоторым предубеждением. Вспоминают другие передачи такого рода, в которых были представлены писатели, драматурги, кино, крупные учёные. В них нетрудно было обнаружить некоторую драматургию: начали шли серьезные, умные разговоры о жизни и творчестве, в затек — очевидно, для разгадки и развлечения — конкретные номера-вставки. Они, конечно, имели прямое отношение к героям встречи: стихи поэта звучали песней, исполнявшиеся популярной эстрадной «звездой», произведения пушкина становились кадрами фильма-экрана-записи. Однако получалось нередко так, что музыкальная или художественная встреча становилась в передаче занятием самой беседы.

Телевидение с «Биртуозами» Москвы выгодно отличается от многих ее подобных, ее драматургия (авторы сценария Е. Баранник и Ю. Маневица) лишена чрезмерности, серьезных разговоров и художественных кадровых иллюстраций к ним. Это не концерт и даже не лекция о музыке с примерами, развитие разговора Спивакова с телевизорами происходит, как и положено на радиотелефонной беседе, свободно, подчас даже ненужно. Музыкант отвечает на вопросы, вспоминает свое прошлое, историю создания оркестра, и исполнение оказывается частью рассказа.

Хорошо, что Спиваков вводит музыку в беседу на «открытом приеме»: он предупреждает зрителей, что будет исполнять лишь небольшие фрагменты из произведений крупных форм. Ко-

мично, по сравнению с концертами или с грамзаписью, где музыка звучит целиком, отрывки проигрывают. Но здесь они точно выполняют стоящую перед ними задачу, не задерживаются при этом кода беседы.

Широкую аудиторию телевидения, несомненно, привлекает то, что Спиваков и его коллеги лишены ложного академизма: если за сложными произведениями серьезной музыки они исполнят диалогов по своему характеру сомнению, в затек и вовсе шутливую пьесу, построенную на одной ноте. Привлекает то, что дирижер и музыканты во всех случаях проявляют не только высочайшее мастерство, но и живой, искренний интерес, подлинную увлеченность в своем творчестве.

Последнее, пожалуй, становится самым ярким, заражающим зрителей своим воздействием на качество передачи. Никто не задает, конечно, Спивакову вопрос о том, любит ли он музыку. Это подразумевается как неизбежное условие его работы. Однако, согласитесь, не все музыканты обладают тем артистизмом, который помогает даже не очень подготовленному зрителю ощущать вдохновение, которое испытывают художники при встрече с искусством. Во время встречи со Спиваковым кто-то вспоминает, что некоторые профессионалы склонны упрекать «Биртуозов» и их руководителя в телевизионизации исполнения. Не знаю, как для концертной эстрады, но для телевидения, которое во всех своих разновидностях является сегодня зреющим, это качество таланта Спивакова весьма кстати. Оно прежде всего позволяет установить короткий, доверительный контакт с миллионами зрителей. Дирижер, находящий на телевидении Спивакова там, открыт, там искренен в своих первоначальных высказываниях, так замечательно артистичен, что кажется, в лице его и в движении рук слышится музыка. Вдохновение дирижера передается нам, исполнявшее им произведение

МОЛОДЕЖНАЯ ВЫСТАВКА — ПРАВО НА ЭКСПЕРИМЕНТ

Можно ли рассчитывать на плодотворную работу с молодежью, не представляя в полном объеме круг ее интересов, не учитывая естественные отличия новых поколений от их предшественников? Можно ли надеяться на полноценный контакт искусства со зрителем, строя этот контакт лишь по методам, сложившимся столетие назад? Можно ли ожидать успеха, не опровергнув практику свежих идей, пасущих пародии на неприменимость и нетрадиционность, заведомо отвергнувшись от возможностей эксперимента? Эти вопросы, ясный ответ на которые дает, в сущности, уже характер идущих сейчас в стране перемен, со всей остротой встали перед организаторами открывшейся на дне симфонией произведений молодых художников Грузии.

Молодежные выставки занимают особое место в разветвленной структуре выставочной деятельности наших художников. Эти выставки — как бы смесь новых сил, вступающих в профессиональное творчество. Порой такое вступление наделает оторванным планом, без неизменности и открытий. Но, слушаясь, молодые заявляют о себе дерзко, во весь голос, и произведения выходят за рамки привычного. Вспомним: вокруг работ тех молодых художников, многие из которых стали теперь ведущими мастерами, а то и классиками советского искусства, возникли горячие споры, разгорелись дискуссии, бурно ставились споры противоположных мнений. Время идет, и в том, что очередная волна подобных дебатов может в какой-то момент подхватиться снова, не следит никто никого из настоящих.

Так вот, неожиданного и непривычного в залах Московского дома художника и в зале Союза художников ССР на Кузнецком мосту в эти дни не было. Преобразился вход на выставку — она начинается уже с витрины, с вынесенной прямо на улицу броской конструкции. Преобразилась и сама выставка.

Впервые, показал, работы молодых авторов представлены по совершенно новому принципу: они подобраны так, чтобы вместе, рядом оказывались опыты художников, близкие друг другу по стилю и особенностям. Таким образом, зритель видит не выставку, будет легко разобраться в пестром художественном пристрастии, различных почек, манер, способов изображения — здесь они показываются последовательно, группами. Зритель получает возможность яснее представить картину творческих исканий современного искусства молодых.

Ориентированы на зрителя и чисто экспозиционные приемы. Выставка не представляет подобием солидного музея — попытки воссоздания таинств подобий, чтоб тиши, нередко выглядят убогой роскошью. Тут — иначе, подчеркнуто иначе, и в этом есть свою логику. Если выставка — нечто временное, преходящее, зачем нужна это скрыть? Каркасные конструкции, позволяющие показать, что картина имеет обратную, неправильную сторону — все это, словно напоминание, создает у зрителя ощущение приватности к живому, текущему, изменчивому процессу художественной жизни, где что-то передает потом на вечных зрачках и любви. Молит, гневается, поет.

Ее дом, где говорим о прошлом и настоящем людях, книгах, спектаклях, вошедших в жизнь, 40 лет на сцене. 40 лет счастья и горя, величия и любви. Актриса показывает дорогие фотографии, письма, картины. Ее рассказы и лепили, посыпали ей стихи лучшие художники, которые изменили ее. Сей час приблизили чучуточку моршин, но ее лунистые, медовые глаза — так же прекрасны, полны мысли и чувства. Так же изящны и точны движения, так же гордо откликнулась голова. И вдруг актриса меняется и тут же, в комнате, у камнина, без грима и освещения, без режиссера и kostюмиста начинает играть перед мной свои нестыдные роли. Я слышу современный Медеи текст, визу «мысли вслух» женщины-космонавта. Она обращается к потомкам и рассказывает о том, что чувствовала перед смертью. Затем в комнату возвращаю Маргарите — единственной любовью Пирсами и вспоминаю чудака из Грузии, праздник роз и любви. Нина Заречная, Эдит Пиаф... Актриса произносит пронзительные, щемящие слова о призвании и долге, страдании и любви. Молит, гневается, поет.

Ее жгучий интерес к литературе опять же постоянно питается и поддерживается семьей.

Музыка Реза Табукиани — писатель, переводчик, драматург, режиссер. Он перевел на грузинский язык сочинения Шекспира. Сначала работал в драматургии, написал пьесу «Скептарий рабыни», которая идет до сих пор. Затем его потянуло и документальному кино. Бениклико знаменит и литературе, и театре, он ощущает вдруг интерес к документу, к факту, реальной человеческой судьбе.

Лауреат премии имени Ш. Руставели, руководитель книгоиздания писателей Грузии, Резо Табукиани — создатель нового языка и грузинского кинематографа: авторского, документально-художественного кино.

«Остров, распятый на кресте» — режиссер по погибшим на далеком голландском острове Тексел, горький рассказ о мужестве и подвиге, свободе, завоеванной ценой гибели 565 воинов-грузин 117 голландских патриотов. Диалогия «Грузини в Италии» открывает страницы жизни замечательного ученого Т. Тамаришвили и национального героя Франции Форе Мосудиншили. «Высокие горы» — изволившее и страстное слово о большом друге и исследователе Грузии Витторио Селла и прославленном альпинисте Михаиле Хертиани. Во всех этих лентах авторы сценария, рассказчиком, режиссером, актёрами участников события выступает сам Резо.

Десять полнометражных фильмов, снятых за десять лет. Документальные ленты Табукиани — это художественное исследование грузинской истории и культуры, киноповести, посвященные герониму и братству различных возрастов и национальностей.

И. МУХРАНЕЛИ,
наш соб. корр.

• Народная артистка Грузинской ССР Медея Джапаридзе.

Фото И. Шаманова (ТАСС).

ТВ: ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

У НАС В ГОСТИХ МАЭСТРО

становятся понятнее и ближе, сложные звуковые структуры обретают ясность и простоту.

Впрочем, эти качества Спивакова-дирижера любят всеми, кто не знает, на каком серьезном фундаменте стоит его великолепное мастерство. Потом часа общения со Спиваковым и его коллегами Открытием передним стало то, что Спиваков-собеседник оказался теми же здравомыслящими артистичными. Оправившись от некоторой скованности начала встречи, он затем демонстрирует свободу и обвязне в общении, непринужденность, незадуманный, незаурядный интерес юмора. Спиваков легко переходит от темы к теме, меняя (если воспользоваться музыкальным термином) тональность разговора.

Интерпретация музыки — одно из сложнейших понятий музыкальности. И все же Спиваков не боится касаться этой темы в беседе с массовой аудиторией. Он смело входит нас в свою аудиторию, пытается прослышать, как звучат различные фрагменты и своеобразные суждения, яркий, превосходно исполненный музыкой, передача, сделанная дирижером Р. Шапорином в содружестве с оператором С. Журавлевым и звукооператором Ю. Агафониковым, становится заметной вехой в эволюции одного из телевизионных мастеров.

Есть еще один аспект, который позволяет по-

достоинству оценить телевизионную встречу со Спиваковым и «Биртуозами» Москвы. Как известно, на наших экранах есть немало программ, внутренне целью которых является воспитание у зрителей (прежде всего молодых) высоких музыкальных вкусов. Сделанные на разном творческом уровне, они, на мой взгляд, не могут подчас преводить альтернативный подход к проблемам жанров серьезной музыки противостоять эстраде. Ответной реакцией на такую постановку служат разные суждения юных поклонников музыки (они звучат иногда в младших программах), отрицающие эстраду.

Представляю спектакль со Спиваковым и «Биртуозами»

Открытый урок

нение, в что-то и останется за рамками истории искусства.

Запрограммирована и непосредственная работа с зрителями. Будут и экскурсии по выставке, и консультации искусствоведов, и лекционные показы отдельных явлений творчества молодых, сопровождаемые демонстрацией слайдов, встречи с художниками, и даже «квизы» некоторых экспонатов на предприятиях, в учебных заведениях, дома культуры столицы, на двух заседаниях заседаний конференций, планируется широкое обследование социологическое, анализ мнений посетителей как о конкретных работах, так и о выставке, с сегодняшним этапом искусства в целом. Надо добавить к этому, что практические любые произведения здесь можно будет приобрести.

Итак, выставка необычна. Что за этим? Нет, не будущие будущих выставок молодых художников, на какой-то непреложный вариант демонстрации художественных произведений — выставки-конкурса. Нет, это самое разное. Давно, протор, — эксперимент. Выставка готовилась долго и тщательно. Творчество молодых предстает здесь как многообразное, многогранное целое, требующее осмысления, нумизматическая, нумизматическая, в принципиальной ставке с музейной оценкой.

Выставкой отнюдь не руководствовалась предпочтением какой-либо одной стилем установки перед другой, он стремился дать их в объективном разнообразии. В то же время выбиралась работы не только харacterные, но и достаточно зреющие по своему профессиональному уровню. В одни границы творчества молодых этого уровня оказалась сегодня выше, в других — ниже, здесь есть над чем задуматься. Старт определялся и открытием, и в открытии не только харacterные, но и достаточно зреющие по своему профессиональному уровню. В одни границы творч

О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Любители хореографии, похоже, могут быть доволены. Благодаря крепущей дружбе Терпсихоры со своей младшей сестрой — единственной музой [а она покровительствует, как известно, телевидению], возможны увидеть шедевры и новинки балетного мира значительно расширившись. Причем не просто расширились, но все заметные стали меняться качественно.

В детстве я очень любила, когда мама доставала из стола старенькую ковровую папку и начинала медленно развязывать разлохмаченные тесемки. Папка называлась «дедушкина», и в ней хранились ломкие фотографии, пожелтевшие от времени бумаги, но главное — открытое.

Старинные, с обломанными краями, с полу-стертинами почтовыми штемпелями, они за-вораживали меня. Неведомые города и прекрасные пейзажи, барышни в пышных, до полнеплатных, мужчинах в котелках, колесные пароходы... Волны на обрамление назывались: «Невро», воспевал поэт Рима, «Перевал Арбага», «Траншея Верхнеудинска...»

«Особенно подолгу я всматривалась в одну — «Песни, каторжан о родине». Уже тогда знала, что мой дед был на каторге и в сибирской ссылке. Я все пыталась разыскать его среди песянок фигур на дне подземного рудника. Но только уз тусклым был свет фонаря, нарисованного неведомым художником...

И вот я вновь вернулась в руках старые открытки, любуюсь знакомыми картинками, слушаю голоса:

«Дорогой Василий, поздравляю с праздником. Желаю встретить его не так тяжко. Словом, как позволит условия тюремного режима...»

«Здравствуйте, Василий Матвеевич! Так обрадовалась меня ваша открытка. Вот и прожит мой 21-й день, и я уже наслаждаясь та- называемой «свободой». Лошади идут шагом, и гляжу — не могу наглядаться на широкую степь, на птиц, на цветы...»

Сегодня о жизни моего деда, Василия Матвеевича Серова, профессионального революционера, большевика-ленинича, члена партии с 1902 года, известно немало. Успехами людей, изучавших революционное прошлое страны, его дочерей — матери моей и ее сестры — восстановлена не одна страница его биографии, драматичной и героической. Но сколько еще осталось неизученного, неразгаданного...

Вот, к примеру, кто они, его безвестные корреспонденты? Те, кто адресовали своим, меченым двуглавым орлом и цензурированным штемпелями послания в Санкт-Петербургскую Нерчинскую пересыльные тюрьмы, на каторгу. Что умудрились, зачастую сами, находясь под надзором полиции, сообщать ему, оторванным от партийного центра, необходимые сведения, ждали ответа от него: «Получили ли из Новгорода? Спасибо за Вашу. Почему Ваш взялся иной?»

Соратники, верные товарищи по борьбе, они и совершенство владели языком наемок и иносказаний, умели даже невинное почтовое отправление превратить в оружие политической агитации.

Вот что-то, выводы официальный адрес: «Бирюкская губерния, Горный Зерентуй, ка- торжанин В. М. Серов», твердой рукой добавлял «Высыпому депутату II Государственной Думы! Именем глаза да увидит и сопоставит несостоимое».

Называла я сейчас Государственную Думу и подумала — сколько же их, хрестоматийных,

исторически известных вех в истории революционного движения, организации Советской власти, которые одновременно и вели жизни В. М. Серова. Его имя среди привлеченных по делу о создании марксистских рабочих кружков среди арестованных руководителей всеобщей стачки в январе 1905 года: он делегат и активный докладчик V. Лондонского съезда партии...

Разгон в 1907 году Думы, всколыхнувший всю страну процесс мал «нереволюционными» — депутатами социал-демократической фракции во многом определил судьбу дела.

По этапу, под конвоем он был доставлен в свое время в Сибирь. Но вскоре своего отдал он этому краю душу свою и саму жизнь.

...В столице Бурятии Улан-Удэ (бывшем Верхнеудинске) стоит памятник. На постаменте надпись: «Серову Василию Матвеевичу — первому председателю Верхнеудинского Совета от трудящихся Улан-Удэ». Умный, мягкий, чуткий трудящийся смотрит на людей отлитый в бронзе мой дед.

Привычно говорю про него — «дед»: для дочери моей и племянников он «прадед». А ведь в том далеком сентябре восемнадцатого, когда его, тайком пришедшего на свидание к жене, опознал полулярный подхорунжий; когда белогвардейская свора, избившая по пути, всолжала его в вагон атамана Семёнова, в тот роковой год, когда он был зверски казнен, Серову не было и сорока лет.

...Не шуршат, а мягко шелестят под рукой ветхие страницы «Вестника Советов Прибайкалья».

«Революция в опасности» — огромными буквами издается газетная полоса. Гляну на дату — и перехватываю горло: 18 августа 1918 года... 20-го белые взяли Верхнеудинск.

Вот они, последние распоряжения, которые успел сделать мой дед последним словом, с которым он публично обращается к людям...

Память, память революции — общая наша память. Всесильно каждое слово, каждый звук, след этих стоящих у истоков нашего сегодняшнего для прекрасных и несгибаемых людей. Тревожно под их пристальным вопросющим взглядом — так ли живем? Верно ли выполняем их завет? Наши ли свое место в своем времени?

Особые судьбы, замечательные биографии. Они будоражат пушу, пытают воображение, а зачастую и определяют призвание. Уходит в таинственную экспедицию человека, который зачитывался в детстве дневниками своего дяди — полярного геолога, и водит океанические корабли капитан, в доме которого на почетном месте поземлевший от времени погребок морской кортик, штурмует небо испытателя, хранящий у сердца историческую фотографию отца, лётчика, погибшего в Отечественную войну.

ВОИНА!. Отняла у нас двадцать миллионов жизней, она оставила такую эпическую брешь, такую кровоточащую рану, что боли до сих пор не одно поколение.

Как мало от них осталось — истрепанные солдатские треугольники, моментальные любительские снимки, да еще рассказы матерей, жен, фронтовых друзей: недовторимые черты, их характер, трогательные смешные случаи из недолгой жизни. Ах, только лучше, только самое достойное сохранил милосердия память — чтобы такими удержались они в сердцах детей своих, не знающих отцов.

— Ты такой же, как был тогда.
Только чуб побород сплека,
Только в седые бороды,
Только синий щит на щеках.

Ты гитара свою берешь,
Я-то думаю, берешь мою.
Ты мне песни свои поешь,
Я-то думал — свои пою...

В эти пронзительно нежные стихи журналиста и поэта Бориса Бахчина и горькая тоска скрещенного мальчишки, и прислая на верность зрелого человека.

Идут сыновья дорогами отцов. Разыскивают давно заросшие тропы, давно снесенные дома, много раз переименованные улицы. Дорожат каждым новым свидетельством участника и очевидца, каждого скучной строкой, добытой в старом архиве.

Но разве память о войне — это только память о погибших на неё?

Как-то одна женщина, только что потерявшая отца, плакала признавалась:

— Мы все от него — только лягай, да лягай: женитьбы, разводы, разделы, дачи, участки... Лишь в больнице впервые загородили с ним о войне. Потому что рассказывал, как выручал его в разные маленькие рости: «Где другой застрянет — и пролежит. И когда с этой было tudo, не так мучился, мне мало надо...» А как стали хоронить для подушечки с орденами и медалями вынесли — так не соскочишь. Вот тебе и маленький. Я смыла своего толкаю — гляди, говорю, гляди, сколько у тебя этого было...

С каждым месяцем, с каждым днем тают ряды ветеранов. Невоправимо — если уходят они неуслышанными, незонными родами людьми, особенно подрастающим поколением.

Юность тяготится обывательством. Она бунтует, испровергает авторитеты. Но присмотритесь, как насторожно, как отчаянно она ищет новые ориентиры, новые примеры для подражания.

В. А. Сухомлинский говорил, что учить ребенка жить — значит учить его важнейшей мудрости бытия — гражданственности.

Как хорошо, как надежно для нравственно-мужественной подростка, если таким вот орнектиром, таким советским и жизненно важным вопросам станет для него близкий человек героической биографии, не сломленный годами и недугами.

...В СПОМИНАЮ одну свою поездку в С-Бастополь. После долгих поисков мне удалось разыскать бывшего севастопольского мальчика, что наравне со взрослыми принял на себя все тяготы легендарной обороны, был семь раз ранен, пережил фашистский плен, убежал оккупации, летом.

Чудом выживший, Евгений Павлович Шершин работает заместителем директора крупного завода. Он отец двоих детей.

Сына своего, семиклассника Олега, он и решил взять с собой, когда задумал путешествие по следу памяти.

Ты помнишь Олега, бывшую Олега — терпкий, сухой запах полыни и чабреца, легкий солнечный ветер? И лицо отца, словно задыхающееся от этого, ни с чем не сравнимого воздуха своего морского...

Ты помнишь Олега, бывшую Олега — терпкий, сухой запах полыни и чабреца, легкий солнечный ветер? И лицо отца, словно задыхающееся от этого, ни с чем не сравнимого воздуха своего морского...

Мама — как-то на днях огорчила ме-

ни дочь, тридцатилетнюю Настя, — в Гал-

ке из нашего класса мама наследство готовит.

— Господи, какое еще наследство?

— Ну, обыкновенное — ковры там, одеяла. Чтобы, говорит, не подумали люди, что она бездомная какая...

Ах, родительский дом — начало началь- тельского служебного — вспомнил я. С чем родители ты в жизни своих памят- цев? Чем одаришь? Что передашь в вечное пользование?

Сейчас никого не удивляет забытый «роди- тельский служебный» — вспоморье колыбели на первые годы. Но всегда ли находятся в нем место для маленькой стопы перетянутых бечевкой лисиц, для старого семейного альбома с портретами фотографий?

Как же растить, как строить собственные дома людям, кто, как мы стараемся, не могут припомнить минуты, когда в их семье говорилось заветное: «А помнишь...»

Что не ведают чувства особой, трепетной близости, когда, забравшись в матрасы и матрасы, находим вспоминания о прошлом?

И Евгений Павлович обхватил синевы пле- чи, крепко-накрепко принял к себе — и про- дожнул, и поднял глаза, возвращаясь в сегод- нинский день...

Да разве стоит человеку тревожить свою память, если некому рассказать о пережитом: разве в силах он носить в себе эту боль, если ему не с кем поделиться.

...С ЕМЕЙНАЯ память, семейные реликвии.

Это золото рассыпь неповторимых реалий своего времени — историй и преданий, ха- рактеров и поступков, дорогих, сердцу пред- метов.

— А это золото рассыпь неповторимых реалий своего времени — историй и преданий, ха- рактеров и поступков, дорогих, сердцу пред- метов.

Это волшебная шкатулка, которая, сколько ни черпай, не оскудеет, потому что каждое помолчание оставляет в ней свои дары. В каждой семье свои памятные даты, свои женщины и невесты на сладебных фотографиях, свои ку- лярные секреты и рецепты. Тут все одинаково важно — и записки учителя, родоводные кни- ги, письма, письма-секреты и письма-репетиторы. Часы настенные, настольные, настенные, настенные, настенные...

Есть такие радостные в затейливые золота, где выпускаются семейные стенгазеты, пуща- ются фотоальбомы с самодельными стихи- ми, где даже ставятся домашние спектакли с взрослыми актерами и пригласительными билетами.

Есть дома, где принято держать открытки для друзей для старых друзей. И принимают их все — и большие, и маленькие. Пусть ради до- рогого гостя, а не из-за телесериала, ребята в тот день положеют для спать — но зато по- смешаются и побегут вместе со своими близ- кими, зато приносят календари годами, скрытые от них.

— Мама — как-то на днях огорчила ме-

ни дочь, тридцатилетнюю Настя, — в Гал-

ке из нашего класса мама наследство готовит.

— Господи, какое еще наследство?

— Ну, обыкновенное — ковры там, одеяла.

Чтобы, говорит, не подумали люди, что она

бездомная какая...

— Ах, родители ты в жизни своих памят- цев? Чем одаришь? Что передашь в вечное пользование?

Сейчас никого не удивляет забытый «роди- тельский служебный» — вспоморье колыбели на первые годы. Но всегда ли находятся в нем место для маленькой стопы перетянутых бечевкой лисиц, для старого семейного альбома с портретами фотографий?

Как же растить, как строить собственные дома людям, кто, как мы стараемся, не могут припомнить минуты, когда в их семье говорилось заветное: «А помнишь...»

Что не ведают чувства особой, трепетной близости, когда, забравшись в матрасы и матрасы, находим вспоминания о прошлом?

И Евгений Павлович обхватил синевы пле- чи, крепко-накрепко принял к себе — и про- дожнул, и поднял глаза, возвращаясь в сегод- нинский день...

Да разве стоит человеку тревожить свою память, если некому рассказать о пережитом: разве в силах он носить в себе эту боль, если ему не с кем поделиться.

Чтого доброго, за норму примут именные

дни, за что вспомнили о войне, когда вспомнили о Зуеве, сотовали

— Мечется в ночи горькая птица Донебай:

— «Вспомни, чей ты? Чей ты? Кто твой отец?

— Папка! — закричал Олег. — Ну, папка же!

— И кинул я и нему, и вспомнил я в бес- сильном опущенном родной руке.

И Евгений Павлович обхватил синевы пле- чи, крепко-накрепко принял к себе — и про- дожнул, и поднял глаза, возвращаясь в сегод- нинский день...

Чтого доброго, за норму примут именные

дни, за что вспомнили о войне, когда вспомнили о Зуеве, сотовали

— Ах, родители ты в жизни своих памят- цев? Чем одаришь? Что передашь в вечное пользование?

Сейчас никого не удивляет заб

НАШИ ГОСТИ

Магическая энергия звука

Этот концерт в большом зале Московской консерватории был не только ярким, но и очень эмоциональным. Четыре музиканта, одетые не в традиционные костюмы и пиджаки, зели живой, эмоциональный диалог со слушателями. И если он на языке современной музыки, ведь именно она составляет главную часть репертуара камерного оркестра «Лондон симфонетта».

Первой прозвучала композиция «Течения», написанная Оливером Кнуссеном, он и Амбринирова в этот вечер оркестром. Поводом для создания сочинения, как поясняет автор, явилось впечатление, произведённое громадной энергией Ниагарского водопада.

И вот в перерыве между отдельными номерами мы беседуем с Оливером Кнуссеном и художественным руководителем коллектива Микаэлом Вайннером.

— «Лондон симфонетта» исполняет классические произведения XVIII—XIX веков, классику XX века, например Стравинского, Абсцессана, Шостаковича, но также мы играем и музыку молодых композиторов, — рассказывает О. Кнуссен.

— Мы слухим двадцатому веку, его лучшим композиторам — подхватывает его мысли М. Вайннер, — и мы не просто любим исполнять новые произведения, но часто заказываем их специально для «Лондона симфонетты». Например, в программе наших гастролей звучат написанные для нас со-

чинения Оливера Кнуссена, Найджела Обстона, Тори Танниси, Ханса Вернера Хенце. Кстати, это очень важно и для самих композиторов: «Лондон симфонетта» готовят их произведения быстро, на высоком профессиональном уровне, в благодарство своему камерному составу. Высокий уровень исполнения многое путешествует в различные страны мира. Ведь мы видим свою задачу в том, чтобызнакомить с современной музыкой не только английскую аудиторию, но и американскую, французскую, немецкую, русскую. Мы не случайно так старались организовать поездку в Советский Союз — наша обретшая первый раз в Москве.

— Чувствуетесь ли вы различия между аудиториями в разных странах и что можете сказать о московской публике?

— О, да, конечно огромные, — говорит О. Кнуссен. — Ваша аудитория оказалась удивительно подготовленной для такого концерта. Публика немедленно откликается на все эмоциональные элементы, они очень расположены к тому, что мы играем. И надо заметить, что на многих из этих произведений в разных странах остается незнакомыми, здесь слушатели реагируют мгновенно. И мы благодарны им за это.

Остается добавить, что оркестр «Лондон симфонетта» был организован в 1968 году и за это время приобрёл достаточно известность и популярность, — рассказывает О. Кнуссен.

Ю. МАРИНИНА.

И снова пламенный фламенко

Помните, «Начинается плач гитары!» И на сей раз все начнулось с голоса струн, то упрямого-напризного, то покорного, то страдающего. Его подхватят чевелесовский голос, и на зов певца явятся, наконец, они — танцовщицы, которым предстоит посмотреть на них в искусстве фламенко.

Четыре танца — четыре хореографа. Экспрессивный «Таранто» и шуточный танец радости «Альгеррас», «Сольса» — основа фламенко и драматичное размышление — «Сагрилья», а затем, андалузская фиеста. Четыре добрые кафлухос, антические пляски румын, стремительный, горделивый позорот головы... Можно подробно списать кинесы из отточенных движений этих захватывающих танцев и ничего не сказать о них, ибо главный из смыслов и суть в неизменно неистощимом напряжении, в том магическом сплеете, которое раскрылось душа испанского народа.

М. БАЛАНЕНКО.

• Роскошь Лорето и Розальи Фернандес исполнят народный танец, аккомпанирует Энрике Паредес.

Фото С. Александрова.

СНИМАЕТСЯ ФИЛЬМ

Творческая группа кинокуды «Мосфильм» снимает новый телевизионный фильм по роману Л. Грачкова «Иду на зону». В четырехсерийной ленте сыграли известные актеры: народный артист СССР П. Кедеников, народный артист РСФСР Л. Курялко, заслуженный артист РСФСР Л. Примуков и другие.

• Рабочий момент — режиссер Булат Мансуров (в центре), оператор Николай Васильев и артист Игорь Волков. • Леонид Курялко — отрицательный герой — Азаров. • Зрители уходят грабобойские мортиры 1902 года.

Фото Б. Сонникова (ТАСС).

ФЕЛЬТОН**СМЕШНО, ПОСКОЛЬКУ НЕВЕСЕЛО**

ДАВАЙТЕ все-таки распутывать об образовавшуюся путаницу — дескать, какие еще там ульбки в сердечном деле Смешных фраз. Это в несерьезном деле не до шуток. А вот нужно работать как раз спортивнее с ульбкой. То есть важно. Я понимаю, что загружать думки и при этом петь песни можно только в плохих кинофильмах. Так ведь не про речь.

В молодости мне доводилось работать на нефтфильме. Никто не знал, в чём и звёзде ждала, когда же наконец начнется заставка, чтобы лягти лицом в траву и никогда больше не встать. Но и понимаю, осталось чувство радости — вместе работаем, хорошо работаем! А чуть позднее — шутки. Были и соленые. Как пот. Но и то, и другое — признак азартного труда. А без азарта удача не бывает. А звёзде не бывает без веселости души. Шутки как матроном удачны! И если я до сих пор не хмурю отношуюсь к труду, то обязан этому, скорее всего, тем парням.

Чувство юмора — это великолепные умы. А вот отсутствие чувства юмора — катастрофический случай, аварийный вариант. Как-то в позавчерашний директора экскурсионного бюро по непривычному для неё делу. И услышав из телефонной трубки: «Вы понимаете, с кем вы разговариваете? С директрисой Дослово! Эта, думаю, в какие ворота меня занесло. Угрюмый руководитель — это смешно, поскольку навеселое. Это — окончательное чудо света. Приюда его изобразила на последней, когда фантазия у неё сильно испорчилась.

Впрочем, доводилось мне встретиться с «иудилой», рядом с которым меркнет даже умница господин экскурсовод. Небольшой городок, и в нем — большая начальник. Несмотря на огромный член у него, даже есть свой кабинет. А в смешной комнате ях четверо подчиненных. И периодически возникает потребность встретиться с кем-то из подчиненных. Вполне естественная потребность. Можно выглянуть из своей комнаташки и попросить: «Мария Михайловна, пожалуйста, погодите». Плохого человека не искали. Если плюс к члену, пожалуйста. Можем, даже не вставая с кресла, влезть в соседнюю комнату: «Марьяминхан! И она придёт. Куда ж я деться!»

Ну разные есть варианты. Начальник изобретет вариант, который и в голову прийти не может. Именно в голове. Но то место. По его указанию в смешной комнате приделали пампочку и звонок. И каждый подчиненный был «закодирован». Две звонки, две мигалки — Иванов. Три звонка, три мигалки — Петров. И т. д. А

главное — и т. п., и тому подобные методы руководства.

Такой вот феномен коллегии сумрачного состояния ума и плоскостопия души.

До чего же нам необходимы совсем другие люди!

Бесцельность в работе — это отнюдь не легкомысленное.

Всего-то с мной может не согласиться — каков-бы-так-веселое во время работы? Не стану называть, у каждого свой стиль, лишь бы работа ладилась.

Но уж откладывать точно надо!

И ТУТ, а прежде всего хочу сказать, об одном угрюмом моменте:

В «заземленные времена» я обожал комичную смеха. Объясняю наивысшим поклонением — это было такое забавление с кривыми зеркалами. И эти зеркала — так умопомрачительно смешно искалили образ современника (то есть я), что в каждый раз уходил оттуда мокрый от слез. Даже не просто сплюхиваться в общем направлении.

Юмор — атакующее средство. И, видимо, поэтому оно особенно ранимо. Когда солдат поднимается в атаку, он сразу попадает под обстрел. Громкое склонение, но модель человека, склонение, сдержанность, сдержанность — это что?

Сколько таких невинных передач. Они заполняют отведенное им время и исчезают. Не просто не обращают внимания. А кто является предметом неустойчивой критики?

Ее критикуют в смысле, в компаниях, прессе, не покладая рук. А почему? А потому, что ее смотрят, ее ждут, ее хотят. Она мечтана. А почему ее смотрят? А потому, что в ней праздник, веселье, нарядность. Отсюда — он делает нашу жизнь веселой. И не надо разыскивать в нем какую-то другую пользу.

Из непрөзданных шедевров — фильм «Веселые ребята». Только не подходят ко мне человека, который примется убеждать, что это фильм о развитии художественной самодеятельности среди тружеников животноводства, сделанный по заказу Министерства сельского хозяйства. Нет, это просто фильм про веселых людей, про тружеников людей. Это смешной фильм. И не всегда ли смешен фильм, вimmel смешной. И еще, занятость, он веселый.

А мы тем временем юмор недавно критиковали. Некоторые заняты. Тут даже не обязательно уметь шутить (что, кстати, многое объясняет). Я на поймал, значит, не смешно. И все тут! Но как раз и смешно, что не понял. А то еще начинать приподнимать себя в собственных глазах — нет, никакие не то, вот был Чехов! Да, был Чехов. Только, похоже, не надо этому маштаб. Кстати, смешные люди дают Чехову граммик досаждали.

А ТЕПЕРЬ все-таки вернемся к существенному — начальнику нашего разговора — работать надо весело. Это еще Михаил Иванович Калинин сказал. Все народные старости знают, что говорят. Это был мудрый человек.

А вот один мой приятель про этот фельтон сказал — несвоевременный (от него-то в обход чегото). А давайте разберемся — откуда появляется смешность? Вы посмотрите фильм и скажите своим знакомым — отличная кинокартина. То пошли в кино и скажут своим знакомым, уже в руки кассы. И в результате уж окошки кассы уже очередь. Вот и весь секрет. И как же мы не рекламировали плохой фильм, уже на третий или четвертый день кинотеатра будут пустые. Реклама — это мысль.

Это нормальное слово для меня стало звучать чуть ли не преступно — что-то нездоровое в обход чегото. А давайте разберемся — откуда появляется смешность? Вы посмотрите фильм и скажите своим знакомым — отличная кинокартина. То пошли в кино и скажут своим знакомым, уже в руки кассы. И в результате уж окошки кассы уже очередь. Вот и весь секрет.

Сколько таких невинных передач. Они же склоняют сядет с рядом с пиджаком и пойдет в кино.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мадам Вонги».

Я вам честно говорю — пойти на «Тайны мадам Вонги» — это чудо духа, мудрость бровей над воруждой. В «Мадамах» быть какими-то тайны есть, а в том, что я вижу, — это как будто пустые.

В одном кинотеатре идет детский фильм о том, что брак делают, оказывается, плюхие работники. В другом кинотеатре — «Тайны мад